

КАРЕЛИЯ

Без холода смеха,
    без холода грусти,
в дощатом «Париже», не стоящем мессы,
свободные вирши слагать безыскусно
тяжёлому небу и чёрному лесу,
где каждый извечен,
    и каждый случаен,
и в соснах закрученных нордовый норов,
и одинокие высверки чаек
острыми клювами жалят озёра.

МУРМАНСК

Быстрое лето. Руки костлявых трав
тянутся к чёрным квадратам размытых окон.
Северный город на тех же семи ветрах.
Северный город в сером плену сопок.

Палевых туч лёгок полярный аллюр.
В доках лимонную водку пьют капитаны.
Под кораблями старый залив хмур.
Спит ледокол – лижет волна раны.

Северный город. Чего же ещё ждать?
Северный город. Рябиновых дней лето.
За маяками – веретено дождя.
Тёмные скалы... Ветер.

ПОГОЖИЙ ДЕНЬ

Смотрю в глаза красавицам прохожим,
Чему-то улыбаюсь про себя.
Какое счастье – этот день погожий!
Какое счастье – просто жить, любя
Весь Божий свет, и в нём себя немного,
Как малую частицу бытия...
Какое счастье – лёгкая дорога,
Слепящий снег и молодость моя!

Давным-давно, когда меня в походе
Сразила печенежская стрела,
И умер я, и жадно птицы зла
Мне выклевали очи на восходе,

Не ты ли долгий век меня ждала?
Не ты ли, сквозь медлительные годы
И осени дождливые исходы,
Из волн небытия меня звала?..

Не верю я, что это повторится.
Другие времена, другие лица.
Истлела печенежская стрела.

И ты со мной... Но чудится порою:
Полынный ветер стонет надо мною,
И ты одна... и в небе птицы зла.

ДЕТСКИЙ ПОРТРЕТ

Жизнь – это больше, чем перечень лет,
Больше, чем проводы в старость...
Весело смотрит мой детский портрет
На седину и усталость.

Что ему годы грядущих забот,
Скучных дорог километры?
В детской улыбке наивно живет
Вера в попутные ветры.

Мальчик доверчивый, мальчик смешной,
Сердцу не сладить с годами...
Лишь иногда я бываю тобой –
В дни возвращения к маме.

меж выгоревших сопок
в городе
где белые ночи
и где ещё жив отец
в северном городе
с дымными трубами серой промзоны
и сонными криками чаек
в вечном шестнадцатилетии
тихо бреду
об руку с теплым дождём
и послеполуночным солнцем

РУССКАЯ ТЕМА

В горле хрип. Гуляй, деревня!
Дед гармонику достал
на причале довоенном,
у поклонного креста.

Эх, «трёхрядка»-замануха!
Каблуки вбивают пыль.
Озорная молодуха
зазывает на кадрили.

Над коленями оборки,
усмехающийся рот...
За деревню, на взгорке,
кто не пляшет, тот поёт.

Водка плещется из кружки...
«Да ничто!..» Ещё нальют!..
И склоняются друг к дружке
почерневшие избушки,
в землю вросшие по грудь.

* * *

В мачтовых соснах
игольчатый дым лета.
Матовый полдень
остановил солнце.
Медленной чайкой
в небе остекленелом
облако тает последнее
у горизонта.

Травы горячие
из желтизны поля,
как часовые,
соцветий штыки –
в небо.
Травы горячие
завтра умрут стоя,
вечности прежде напившись
из глаз утра.

Сонная память...
Дальней реки русло
линию жизни
врезает
в ладонь лета.
За миражами,
над желтизной поля –
сонная память...
высохший вздох ветра.

* * *

Звучанье вокзала. Огни электрички.
Царевну встречаешь?.. Княжну?
Условности к чёрту и к чёрту кавычки.
Встречаю чужую жену.

Давно ли казалось – чужого не надо.
Краплёная карта – не в масть.
И вдруг леденящая страсть конокрада –
Украсть!

И не было лучше.. и не было хуже.
Непойманным вором живу...
Огни электрички. Вокзальные лужи.
Встречаю чужую жену.

БАЛЛАДА О ЗВЕРЕ

Затравили охотники дикого зверя.
Он спасался, как мог, в растревоженной чаще.
То к земле припадал, то, покою не веря,
Вдруг летел напролом, ошалело-пропавший.

И ушёл бы... да псы отыскивали по следу,
И загнали в болотную мутную жижу,
И осталось на псовую эту победу
Безнадежно и злобно хрипеть: «Ненавижу!..»

Подоспевшие люди стрелять расхотели,
Но прикладами долго и весело били.
А потом, по решению пьяной артели,
Полумертвого зверя, смеясь, оскопили.

И отправили в город, в железную клетку,
Для забавы детей и весёлых прохожих...
Но очнувшийся зверь, доедая объедки,
Перестал быть на дикого зверя похожим.

Лишь во сне беспощадная память болела,
Возвращая его в непролазные чащи.
И тогда он рычал тяжело, очумело
И спросонок метался по клетке смердящей.

И глаза его ненависть вновь излучали,
Молчаливую ненависть праведных судей.
И казалось, бессильные слёзы кричали:
«Люди добрые!.. Где же вы, добрые люди?..»

* * *

Из сырости тумана над рекой
Унылых берегов посмертный слепок.
Заснеженный рассвет на стыках веток
Ласкается шершавою щекой.

Чужая, позабытая планета
На грани обозначенных веков –
Ты так же бесконечно далеко
От этого щемящего рассвета,

В обыденности ночи новогодней
Оплакиваешь всех – кого угодно, –
И рядом опечаленная смерть,

И тот же полубморочный город,
Где времени разрушенная твердь
Рассветным снегом сыплется за ворот.

МАЛЕНЬКАЯ БАЛЛАДА

Полказны разорил для принцессы одной...
Усмехнулась она, не любя:
«Дорогого ли стоит твой герб родовой?»
Я сказал: «Не дороже тебя».

Я в боях за неё сто врагов истребил,
Сто достойных и дерзких ребят.
Рассмеялась она: «Сколько стоил твой пыл?»
Я сказал: «Не дороже тебя».

Трубадуром я в дальние страны умчал,
О принцессе повсюду трубя.
Вдруг письмо: «Сколько стоит,
чтоб ты замолчал?»
Я в ответ: «Не дороже тебя».

* * *

Нам не осталось даже немного
Тихого счастья вечером снежным,
Чтобы в окошке луна и дорога,
И разговоры о чём-то нежном.
Всё наизнанку, всё по-другому –
Нервные взгляды, беглые встречи...
Не извиняйся, режь по живому,
Это, случается, тоже лечит.

Поздно считаться – кто неподсуден,
Поздно считаться – кто непорочен...
Просто от боли выжженных судеб
Руки распались в холоде ночи,
И не осталось даже немного
Нежного света снежного утра...
Тихое счастье – это от Бога.
Долго ли?.. Коротко?.. – не было будто.

* * *

Лесная охота. И я камышовый бог.
Смешной повелитель дней перелётного царства.
А ночью в смолёном срубе – брусничный грог
И тёплая печь, как высшая степень барства.

Какая любовь и какая там жизнь была,
За этим ольхово-голым угрюмым раем,
Как будто не помнят тяжёлые два ствола,
Когда в перелётные души во тьму стреляют.

Таёжного эха раскатисто-спелый смех.
Мотивы тумана на белые сны похожи...
А где-то за далями валится первый снег
И стороны света простуженный ветер гложет.

* * *

всю голубую огромность
летающего мира
вдруг ощутить над собою
в летней степи засыпая
и раствориться
в пылающем звоне цикад
в нервах травы
и не думать о смерти